

— Трудно представить, что человек, вышедший из тренировочного лагеря, не курит и не пьет. Я когда-то встречал одного из ваших, тот был настоящим заядлым курильщиком. Если бы не этот запах табака, я бы его не нашел, — Шэнь Чэн, говоря это, незаметно наблюдал за реакцией Павлина и, увидев, что тот не сопротивляется, внутренне облегчился. Павлин говорил мало, и о жизни в тренировочном лагере не упоминал ни слова. Шэнь Чэн, разговаривая с некоторыми старыми бойцами, пытался ненавязчиво затронуть эту тему, но никто ничего не мог сказать. Он интуитивно чувствовал, что для Павлина это, вероятно, не самые приятные воспоминания, но сейчас он не мог сдержать желания узнать больше об этом человеке, начав осторожные попытки.

Услышав слова Шэнь Чэна, Павлин повернул голову и посмотрел на него, а затем снова посмотрел наружу.

— Там, если хочешь курить или пить, нужно платить свои деньги. К тому же, мне это неинтересно, — когда Шэнь Чэн уже думал, что Павлин не ответит, тот неожиданно дал ему ответ, который удивил.

— У тебя не было денег? — выпалил Шэнь Чэн. Из того, что он знал, Сы Хань относился к Павлину как к родному брату и никогда не скупился на деньги. Когда только открыли шахту, Сы Хань сразу дал Павлину 20% акций. Как он мог позволить, чтобы подросток жил в тренировочном лагере в нужде?

— Деньги были, — Павлин бросил взгляд на Шэнь Чэна. — Но это были деньги старшего брата. В то время я ничего не умел и не мог помочь ему. Он уже потратил на меня много, я не мог тратить деньги на ерунду.

Какой же он послушный! — Шэнь Чэн заорал внутри, но знал, что если не хочет получить по лицу, такие слова нельзя произносить вслух!

— Я восхищаюсь тобой, — сказал Шэнь Чэн, закурив и сделав глубокую затяжку. Табак и алкоголь в какой-то степени помогают снять напряжение, как и секс. После гибели командира Шэнь Чэн начал курить, и с тех пор его зависимость росла вместе с ним. Без сигарет, алкоголя и девушек Шэнь Чэн удивлялся, как Павлин справлялся с давлением в этом жестоком месте. У него даже не было никаких пристрастий, можно сказать, что этот человек действительно был твердым орешком.

— Никто тебя не заставлял, не говори так, будто ты был вынужден, — Павлин прислонился к стене напротив Шэнь Чэна и, склонив голову, смотрел на него.

Шэнь Чэн на мгновение застыл, затем, держа сигарету в зубах, рассмеялся. Он засунул руки в карманы и лениво прислонился к скале, слегка приподняв подбородок. Прищурившись, он улыбался, глядя на Павлина. На его лице еще оставались следы дождя, полумокрый воротник был расстегнут, обнажая крепкую грудь. Ботинки были покрыты грязью, и весь его вид излучал небрежную, но мощную мужественность.

— Ты говорил, что встречал человека из тренировочного лагеря? — взгляд Павлина на мгновение задержался на Шэнь Чэне, а затем переместился на бесконечную дождевую завесу за пределами пещеры.

— Да, его наняли, чтобы доставить кое-что сюда, — ответил Шэнь Чэн.

— Убил? — спросил Павлин.

— Он пожалел и умолял отпустить его, говорил, что у него не было злых умыслов, он просто хотел денег, — Шэнь Чэн выпустил кольцо дыма, наблюдая, как оно медленно растворяется рядом с Павлином. — Потом я передал его государству.

— Если бы его не поймали, он бы никогда не пожалел. Раскаяние после разоблачения — это просто способ избежать наказания. Позже он бы только искал способы отомстить. В следующий раз, если поймаешь человека из тренировочного лагеря, убивай сразу, — сказал Павлин.

— Нет ни капли товарищества, — удивился Шэнь Чэн, хотя внутри был согласен. Хитрость и жестокость того человека, прежде чем его обезвредили, до сих пор были свежи в памяти. Такие люди не способны на раскаяние.

— В том месте нет любви. Месть за малейшую обиду — их вера, — фигура Павлина растворилась в ночи, его голос слился с шумом дождя. Казалось, что он находится на расстоянии вытянутой руки, но в этот момент показался бесконечно далеким.

— А ты? — спросил Шэнь Чэн.

— Я тоже, — ответил Павлин.

Павлин ответил небрежно, но Шэнь Чэн почувствовал острую, но едва заметную боль, словно его ужалила пчела. Ему показалось, что он заглянул в самые глубины души Павлина, скрытые за семью печатями. Он не знал, было ли это случайной оговоркой или намеренным откровением, но в любом случае это вызвало в нем бурю эмоций. Потому что любой из вариантов означал доверие — желание Павлина приоткрыть перед ним свой внутренний мир.

— То есть ты предупреждаешь меня, чтобы я не обижал тебя? — Шэнь Чэн с улыбкой подошел к Павлину и встал рядом.

— А как ты собираешься меня обидеть? — Павлин слегка прищурился, в его голосе прозвучала редкая легкость.

— Не хочу, — когда Павлин прищурился, под глазами залегли милые складки. Шэнь Чэн стоял так близко, что невольно устремил взгляд на эти красивые изгибы. Смотрел он долго, и когда Павлин уже начал чувствовать себя неуютно от этого пристального взгляда, а его брови готовы были сомкнуться, Шэнь Чэн вдруг тяжело вздохнул, словно испытывая бесконечное сожаление.

Павлин замер на месте.

— Пойдем, дождь почти прошел, — к этому времени дождь, бушевавший всю ночь, наконец начал стихать. Шэнь Чэн первым вышел из пещеры и, подняв голову, посмотрел на небо: сквозь поредевшие облака проступил неясный лунный диск.

Когда небо начало светлеть, Шэнь Чэн и Павлин вернулись в дежурное помещение, где их уже ждала следующая смена патруля. Сдав дежурство, они направились в жилую зону. До завтрака в столовке оставалось время, и, если хотели есть, нужно было готовить самим.

Легко найдя дорогу, они вернулись в маленькую виллу, переоделись в сухую одежду и начали хлопотать на кухне: Павлин варил лапшу, Шэнь Чэн — имбирную колу. Когда лапша была готова, отвар тоже подоспел. Шэнь Чэн разлил его по пиалам и протянул одну Павлину. Тот принял пиалу и залпом выпил содержимое. Острый вкус заставил его сморщить нос, но приятное тепло разлилось по желудку, и действительно стало легче.

После завтрака Павлин и Шэнь Чэн вышли из виллы. Шэнь Чэн думал, что Павлин вернется в общежитие, чтобы отдохнуть, но, дойдя до двери, тот даже не замедлил шаг, направляясь к офисному корпусу.

— Куда ты? — Шэнь Чэн догнал его в два прыжка и схватил за руку.

— Есть еще дела, — ответил Павлин.

— Срочные? — спросил Шэнь Чэн.

Павлин подумал и покачал головой. Это были не срочные дела, просто он не любил оставлять задачи на потом, стараясь всё сделать как можно скорее.

— Если не срочно, тогда сначала отдохни. Ты вчера почти не спал, — Шэнь Чэн, услышав, что дело не горит, сразу же закинул руку Павлину на плечо и, проявляя легкую настойчивость, повел его обратно в общежитие. После ночного патрулирования под дождем говорить, что он не устал, было бы ложью. Раз нет неотложных проблем, нет смысла насилловать себя работой без передышки. Шэнь Чэн считал, что Павлин во всем хорош, только ему не хватает гибкости.

Когда Павлин оказался на кровати, он немного опешил, но тут же попытался встать.

— Если встанешь, я не почию тот Штайр, — Шэнь Чэн положил руку на плечо Павлина, не давая ему подняться. Давил он не сильно, но в его действиях чувствовалась решимость, не терпящая возражений.

Павлин нахмурился и посмотрел на Шэнь Чэна. Тот улыбался вполне безобидно.

Через мгновение Павлин фыркнул, скинул ботинки и уселся на кровать, признав поражение.

— Твоя следующая смена в час дня, так что спи до одиннадцати. Работу можно сделать и вечером, — Шэнь Чэн удовлетворительно улыбнулся. — Тебе помочь раздеться?

Глядя на услужливого Шэнь Чэна, Павлин молча снял одежду, бросил её в изголовье, натянул одеяло и лег, повернувшись к нему спиной.

— Я поставил будильник на одиннадцать, — Шэнь Чэн взял часы с тумбочки и выставил время. Павлин не ответил.

Шэнь Чэн окинул взглядом эту простую спальню. Это был его первый раз во внутренней комнате Павлина. В отличие от сдержанной роскоши виллы, здесь всё было очень скромно и ничем не отличалось от комнат других бойцов. Единственное различие, возможно, заключалось в чистоте: здесь не было разбросанной одежды и пакетов из-под еды.

Шторы были задернуты не до конца, оставляя узкую щель. Шэнь Чэн подошел и плотнее закрыл их, затем оглянулся на лежащего с закрытыми глазами Павлина, тихо прикрыл дверь и вышел.